

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вестник кооперации. Книга третья. СПб., 1912. 72 с.
2. Вычугжанин А.Л., Отрадных О.А. История банковского дела Тюменской области. Тюмень: ИД Слово, 2004. 616 с.
3. Корелин А.П. Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX—начале XX вв. М.: Наука, 1988. 391 с.
4. Обзор Тобольской губернии за 1914 год. Тобольск, 1916. 89 с.
5. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-50. Оп. 1. Д. 195. 142 л.
6. Государственный архив г. Тобольске. Ф. 177. Оп. 1. Д. 468. 124 л.

Валерий Михайлович КРУЖИНОВ —
профессор кафедры отечественной истории,
доктор исторических наук
avk231990@mail.ru

Зинаида Николаевна СОКОВА —
профессор кафедры новой истории
и международных отношений,
доктор исторических наук
sokova.zn@gmail.com

*Институт истории и политических наук
Тюменский государственный университет*

УДК 94(571.12).084.3

**ТЮМЕНЬ И ТЮМЕНЦЫ 8 АВГУСТА 1919 ГОДА:
ОТ «ЧУЖОЙ» К «СВОЕЙ» ВЛАСТИ**

**TYUMEN AND TYUMENERS IN AUGUST 8, 1919:
FROM «ALIEN» TO «ONE'S OWN» POWER**

АННОТАЦИЯ. Исследуется политическое поведение жителей Тюмени в условиях перехода власти от белых к большевикам 8 августа 1919 года.

SUMMARY. The article analyses the political behavior of Tyumen inhabitants under conditions of the conversion of power from the White movement to the Bolsheviki on 8 August, 1919.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Гражданская война, массовое сознание, политическое поведение.

KEY WORDS. Civil War, collective consciousness, political behavior.

«Второе пришествие» советской власти в Тюмень (первое было в марте—июле 1918 г.) началось с курьезного эпизода, который при ближайшем рассмотрении оказывается не столь уж экзотичным.

Ранним утром 8 августа 1919 г. трое красных разведчиков, направленных в только что оставленный белыми город, были разоружены группой тюменских рабочих, принявших перепоясанных пулеметными лентами людей за не успевших уйти колчаковцев. От начавшегося было самосуда лазутчиков спас случай: при

обыске в кармане гимнастерки одного из них нашли припасенный для самокрутки обрывок большевистской газеты — своеобразную индульгенцию, увидев которую, те же рабочие устроили красноармейцам восторженную встречу.

Весть о приближении Красной Армии быстро разнеслась по пролетарским окраинам Тюмени, и ликующие толпы рабочих высыпали на улицы, приветствуя смену власти стихийными митингами и громовыми «ура!».

Схожая картина наблюдалась и в других городах Зауралья. *«Оживление на улицах, улыбки — все свидетельствовало об искренних чувствах людей, дождавшихся своих освободителей»* [1], — писал очевидец этих событий.

Побудительные мотивы политического поведения если не всех, то значительной части тюменских пролетариев, представляли особый ментальный комплекс, демонстрировавший и всплеск социального оптимизма, связанного с ожиданием «своей» власти, и гипертрофированное восприятие «проклятой белогвардейщины», ассоциировавшейся с «бандой головорезов», единственной целью которых являются грабеж и насилие. Даже бегство колчаковцев из города, оставленного, кстати, без боя, сохранило в памяти социальных «низов» только пугающие воображения: *«Уходили из Тюмени грабители. Колчаковцы тащили с собой все, что попадалось под руку. Несли награбленное в руках, увозили на лошадях и тачках. Тащили соленую рыбу, муку в мешках, мешки с кедровыми орехами, тюки с мануфактурой. ... Один из беляков нес на плечах сундучок. Шедшая сзади его дородная пьяная женщина ударила по сундучку соленой рыбиной. Сундучок упал на землю около железнодорожного полотна, из него вывалились золотые вещи, подсвечники, ризы с икон, церковные чаши, кресты и что-то другое. И в этот момент один белогвардейский офицер с тормозной площадки последнего вагона, уходящего из города, крикнул, обращаясь к свидетелям этой картины: «Запомните, мы скоро вернемся обратно!» Поезд ушел, а грабеж продолжался всю ночь»* [2].

Ненависть к «врагам-колчаковцам», пронизывавшая мировосприятие тюменского рабочего — автора этой зарисовки, имела глубокие исторические корни и складывалась не только из ужасов гражданской войны, но и из воспитанного веками чувства классовой вражды, ослабить которую белое движение оказалось не в состоянии. Естественному желанию человека жить и работать белые противопоставили военную диктатуру, непрерывные мобилизации, хозяйственный хаос. Неполные девять месяцев колчаковского правления в Тюмени — это время бешеного роста цен на все основные виды продовольствия и промтовары: на картофель и мыло они выросли в 2,9 раза, на крупы — в 3,1 раза, на мясо и яйцо — в 3,3 раза, на соль — в 4,4 раза, на рыбу — в 4,7 раза [3]. Ужасающая картина социальной катастрофы дополнялась масштабными политическими репрессиями, от которых в городе погибло больше людей, чем в дни Февральской революции по всей России. В этих условиях отторжение колчаковщины являлось своеобразной реакцией на небывалые бедствия народа, выступало как акт его самосохранения и выживания, стихийный в своей первооснове.

У этого феномена была и другая сторона: если социальный экстремизм тюменских «низов» мотивировался вполне рациональными побуждениями, то ответная реакция колчаковцев несла в себе иррациональное начало, «перехлестывая» рамки гражданской войны, и выливалась в колониально-захватнические, карательные акции, за гранью которых открывалась мрачная бездна морального падения. Яркое подтверждение тому — колчаковская «эвакуация» из Тюмени, когда единственный раз в своей истории город был отдан на растерзание армии и чуть ли не в один день

лишился почти всех запасов муки, мыла, одежды, обуви и даже спичек [4]. Белогвардейцы «реквизировали» все пароходы, разграбили кожевенные и лесопильные заводы, мельницы, спичечную фабрику, телеграф, типографии, ремесленное училище. С казенного винного склада, в то время лучшего по технической оснащенности предприятия в регионе, они вывезли 20 вагонов оборудования и 3 цистерны спирта, с металлообрабатывающего завода Н.Д. Машарова — продукцию стоимостью 126,8 тыс. руб. [5]. По неполным сведениям министерства внутренних дел колчаковского правительства, только по р. Туре белые отправили на восток 3213,5 т груза [6], т.е. по 60 кг «дани» в расчете на каждого жителя города. Кроме того, огромное количество продовольствия, промышленных товаров и оборудования колчаковцы вывезли железнодорожным и гужевым транспортом. Тюменский комитет РКП(б) сообщал в ЦК РКП(б): *«Противник провел эвакуацию, можно сказать, «гениально». Вывез все. Если чего не успел, все разрушил... И Тюмень, один из сравнительно больших промышленных городов Сибири, теперь в экономическом отношении производит впечатление чего-то хилого, больного»* [7].

Вместе с Белой армией на чужбину ушли около 10 тыс. (из 60 тыс.) тюменцев, видевших в большевиках разрушительную и необузданную силу, *«банду грабителей и разбойников, которые приходят, грабят, убивают и насиуют мирных жителей»* [8]. Хотя в августовские дни 1919 г. сведения о социальном составе этих людей не фиксировались, но по ряду косвенных материалов мы можем восстановить общую картину. Так, в Государственном архиве Тюменской области нами была выявлена опись частных жилых строений, брошенных во время колчаковской «эвакуации» и вскоре национализированных советской властью. В общей сложности в данном документе числится 702 здания, из которых 204 были описаны с указанием количества имеющихся в них комнат. Анализ этих сведений показывает, что только 33 (16,2%) описанных дома являлись однокомнатными или двухкомнатными и с определенной долей условности могли считаться собственностью низших или промежуточных групп городского населения. В то же время 81 (39,7%) здание имело от 3 до 5 комнат каждое, 57 (27,9%) домов состояли из 6–9 комнат, а 33 (16,2%) жилых строения — из 10–26 комнат и, без сомнения, принадлежали тюменским «верхам» — буржуазии, высшим чиновникам, обеспеченным служащим или интеллигенции, чьи благополучие и интересы тесно вплетались в разрушенную революцией систему отношений [9].

Вывод о преобладании представителей «верхов» среди покинувших город тюменцев подтверждается и почти не изменившейся со сменой власти численностью рабочих городских предприятий. Так, из 236 человек, работавших на лесопильном заводе «Союз» до 8 августа 1919 г., лишь пятеро ушли с белыми, причем четверо из них являлись служащими (управляющий заводом, его помощник, заведующий распиловочным цехом и кладовщик) и только один был квалифицированным рабочим (машинист) [10].

Бегство тюменской буржуазии нанесло немалый ущерб экономике и социальной сфере города. Закрылись многие частные заводы и фабрики, рабочие которых, получив небольшое «эвакуационное жалование» (от трети до полутора месячных окладов), остались по существу без средств существования и пополнили армию безработных, составивших почти половину численности пролетариев Тюмени — 2,3 тыс. человек [11].

Не менее тяжело отразился на жизни тюменцев и массовый отъезд представителей городской интеллигенции, которая если и желала служить своему народу, то под охраной колчаковских штыков. Среди покинувших город были последний го-

родской голова Н.А. Самотесов, последний председатель Городской думы, популярный адвокат Н.И. Беседных (впоследствии возвратившийся), известный в России музыкальный издатель А.М. Афромеев, основатель и директор коммерческого училища В.И. Колокольников, городской архитектор К.П. Чакин (впоследствии возвратился), настоятели тюменских храмов В. Бирюков, З. Козлов, К. Ребрин (впоследствии возвратились) и другие. Их бегство дезорганизовало работу Городской управы, культурно-просветительских, учебных, медицинских и иных учреждений. Так, если до колчаковской «эвакуации» в городе работали 29 врачей, то теперь — лишь четверо [12], на которых легла непосильная ноша обслуживать пациентов трех тюменских больниц (городской, земской и тюремной) и родильного дома.

Нет сомнения, что массовое бегство тюменской «элиты» от «своего», а на деле «чужого» народа резко диссонировало с ее претензиями на роль «спасителей России», высветив слабости белого движения, его специфическую социальную базу. С другой стороны, радикальное противопоставление тюменских «верхов» «низам» отразило важный срез «диктатуры пролетариата», выливавшейся в разгул народной стихии, в войну без «правил», главным содержанием которой становилось «отмщение угнетателям». *«Несытое существо, — пророчествовал задолго до большевистской революции и гражданской войны С.Ю. Витте, — можно успокоить, давая пищу вовремя, но озверевшего от голода уже одной порцией пищи не успокоишь. Он хочет отомстить тем, кого правильно или неправильно, но считает своими мучителями»* [13].

Вместе с отступавшими колчаковцами через Тюмень прошла целая армия «летучих голландцев» (так с чувством горечи и иронии горожане называли беженцев из Европейской России), хлынувших за Урал после победы большевистской революции. На разных этапах гражданской войны их численность в Тюмени составляла от 40 тыс. (декабрь 1918 г.) до 20 тыс. человек (май 1919 г.) [14]. Не имея собственного крова, лишённые средств существования, многие из них связывали с победой белого движения и разгромом большевизма надежды на возвращение привычной жизни, утраченного состояния. Однако колчаковская «эвакуация» из Тюмени выявила и противоположную тенденцию: военные неудачи белых вселяли в сознание «летучих голландцев» крупицы разочарования недавними кумирами, подталкивая их к примирению с советской властью. В результате около 7 тыс. беженцев остались в Тюмени и ее окрестностях [15], чтобы дожидаться завершения «Великой смуты».

Оставляя Тюмень, колчаковцы выпустили на волю большую группу уголовников, вывозить которых в глубь Сибири считалось «нерациональным» из-за недостатка средств эвакуации [16]. В то же время все «политические преступники» и пленные красноармейцы (в районе Тюмени их насчитывалось почти 10 тыс. человек) отправлялись на восток «баржами смерти», в чьи зловонные трюмы, по словам очевидцев, заталкивали *«по несколько тысяч человек, среди которых [было] много заразных больных»* [17]. Один из узников такой баржи рассказывал: *«Двое суток нам не давали хлеба. Конвоиры всячески издевались. И каждый день — расстрелы, расстрелы, расстрелы. ... Из тысячи трехсот человек в Томск прибыли лишь сто сорок»* [18].

Уходящая Белая армия оставила после себя пустую городскую казну и полуразрушенное городское хозяйство. Почти прекратилось освещение улиц, не работали почта, телеграф, закрылись многие лавки и магазины. Кучами мусора и навоза были завалены берега р. Туры, Тюменский лог. Особые опасения вызывала эпидемиологическая обстановка. В условиях передвижения больших масс людей и чудовищной

антисанитарии в городе вспыхнула эпидемия тифа, которым заболели более 1,2 тыс. человек [19].

Положение в Тюмени осложнялось самоуправными действиями снабженцев Красной армии, которые, по свидетельству современника, «присоединились к учиненному белыми разгрому» и «забирали все, даже то, что им не нужно, например, сатин, ситец и кожевенное сырье» [20]. Причем масштабы этого беззакония были столь широки, что вызвали конфликт между военными и официальной властью, потребовавшей под угрозой «наказания по всей строгости законов военного времени» прекратить «всякого рода обыски, опечатывания квартир, конфискации и реквизиции имущества без особых на это мандатов» [21]. Однако преодолеть подобные бесчинства новая власть так до конца и не сумела, о чем свидетельствуют многочисленные приказы и постановления, периодически принимавшиеся советскими органами по нескончаемым фактам незаконных обысков и «реквизиций» как в последующие месяцы 1919 г., так и на протяжении всего 1920 года [22].

Правда, произвол военных во многом носил избирательный характер и не затрагивал социальные «низы», которые считались главной опорой нового режима и в этом качестве даже получали помощь от Красной армии. Так, сразу же после восстановления в городе советской власти по распоряжению командования 3-й армии Восточного фронта «крайне нуждающимся» рабочим и служащим было выделено 5 тыс. пудов муки, что позволило хотя бы в малой степени ослабить продовольственный голод, разразившийся после колчаковской «эвакуации». «Беднейшему населению» раздавалось имущество бежавшей буржуазии — одежда, обувь [23]. Особенно большую помощь оказали тюменцам военные медработники. К весне 1920 г. в больницах и врачебных пунктах города работали 36 армейских врачей, на которых легла основная тяжесть борьбы с эпидемиями. О подвиге этих безымянных героев красноречиво свидетельствует следующий факт: если среди городского населения смертность от тифа составляла 2–5%, то среди лечивших их врачей — 40% [24].

Одной из главных задач новой власти стало формирование управленческих структур, способных взять под контроль ситуацию в городе и регионе, приступить к восстановлению экономики, городского хозяйства, изменить положение населения. С этой целью из политических работников 3-й армии был сформирован Временный военно-революционный комитет под председательством С. Старикова, который в соответствии с действовавшей тогда инструкцией созвал 9 августа 1919 г. совещание представителей предприятий города (один делегат от 100 рабочих и служащих). На этом совещании был организован новый Военно-революционный комитет (вскоре он станет губернским), состоявший из гражданских лиц и функционировавший до 9 июня 1920 г., когда его полномочия перешли к губернскому исполнительному комитету, избранному на I съезде Советов Тюменской губернии. Председателем ВРК до 18 августа 1919 г. являлся В. Катаев, затем — А.Д. Макаров (до октября 1919 г.), Б.З. Шумяцкий (до января 1920 г.) и С.А. Новоселов (до июня 1920 г.) [25]. Обычно в состав комитета входили 5–6 человек, большинство которых были большевиками, но некоторые считались «сочувствующими».

Военно-революционный комитет расположился в одном из лучших в то время зданий Тюмени — двухэтажном кирпичном особняке бежавших с белыми фабрикантов и торговцев братьев Колмаковых (ныне ул. Республики, 44), что должно было продемонстрировать и торжество новых политических сил, и стать своеобразным актом отмщения буржуазии за поправную «справедливость» [26]. Здесь же разме-

стилились некоторые отделы ВРК, редакция газеты «Известия Тюменского губернского военно-революционного комитета» и Организационный комитет РКП(б), которому предстояло воссоздать разгромленную колчаковцами городскую большевистскую организацию.

Обычно ревком заседал два–три раза в неделю, рассматривая каждый раз по 15–20 вопросов, политических, хозяйственных, продовольственных и т. д. Значительное место в повестке заседаний занимала так называемая «вермишель», которую в той обстановке невозможно было разрешить без вмешательства ревкома: о пишущей машинке для отдела труда; о теплых вещах для следователей; о кроватях для общежития ревкома и т. п.

В структуру ВРК входили 10 отделов (здравоохранения, земельно-лесной, коммунального хозяйства, пленных и беженцев, продовольственный, труда, социального обеспечения, управления, финансовый, юридический), а также Тюменская городская милиция, комиссия Главного комитета водного транспорта и Губернский совет народного хозяйства [27]. О некоторых, но важных обстоятельствах их формирования можно судить по докладной записке (сентябрь 1919 г.) начальника Тюменской городской милиции Л.П. Кобылкина, в прошлом рабочего, окончившего три класса приходского училища (авторская орфография и пунктуация сохранены): *«9 августа 1919 г. мы как старые работники собрались в городской управе и сформировали рефком, затем другие отделы постольку, поскольку могли. Я был избран рефкомом и утвержден заведующим Т[юменской] г[ородской] милиции. Не так легко было организовывать милицию потому, что мне достались одни лишь голые стены, ни пера, ни ручки, ни бумаги. И я сейчас же нашел секретаря товарища Шебова, человека честного надежного и мы с ним принялись за организацию милиции. Сейчас же потребовалась охрана для соблюдения порядка где, я пока не имел милиционеров обратился к некоторым организациям со словесным воззванием, чтоб товарищи помогли в общественной работе. Спустя дня 4 я начал набирать милиционеров по распоряжению т. Катаева и милицию разделил на 4 района. ... Люди были браны с удостоверениями о благонадежности, но некоторые не оправдали своего доверия, пали слишком низко, за что и понесли достойное наказание»* [28].

Приведенный текст позволяет составить образ ревкомовца, как человека абсолютно преданного большевистской идее, несомненно, честного и убежденного, что без этих качеств невозможно достигнуть целей революции и привести народ в «светлое будущее». Вероятно, такие люди осознавали собственные недостатки (например, отсутствие полноценного образования). Однако в условиях величайшего социального переворота эти изъяны казались им малозначимыми и не мешали ассоциировать себя с новой господствующей группой, выполняющей полезную для общественных «низов» функцию.

Эта убежденность подпитывалась и настроениями пролетарских слоев Тюмени, которые на первых порах почти безоговорочно доверяли большевистской «харизме». Сложившееся на этой почве «соглашение» имело важные политические последствия. С одной стороны, оно олицетворяло связь новой власти с глубинными чаяниями народа, а с другой — создавало достаточно узкое «игровое поле» как для ревкомовцев, вынужденных «подыгрывать» городским «низам», так и для самих «низов», чья поддержка большевиков всецело зависела от их способности материализовать народные ожидания, принести долгожданное «чудо». Неудачи или промедления на этом пути могли развеять августовскую эйфорию тюменских пролетариев и обратить «свою» власть в «чужую».

Такая перспектива требовала от тюменских ревкомовцев немедленных и эффективных действий, которые в условиях нескончаемой войны и небывалой разрухи неизбежно выливались в милитаризацию экономической жизни и тотальные трудовые мобилизации, вызывавшие вначале смутное, а затем все более явственное недовольство социальных «низов». По мере осознания, что избавление от колчаковцев и установление «своей» власти не приносят долгожданного облегчения, феномен большевизма теряет свое первоначальное содержание и трансформируется в образ еще одной чуждой народу силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания А. Орлова об освобождении от колчаковцев гор. Ялutorовска частями Красной армии // Тюменская правда. 1969. 17 августа.
2. Воспоминания А. Меньшикова об освобождении частями Красной армии гор. Тюмени от колчаковцев // Там же. 1965. 10 августа.
3. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 80. Л. 7, 86.
4. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 157. Л. 3 об.
5. Там же. Ф. 168. Оп. 1. Д. 16. Л. 13, 27, 40, 42; Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 15
6. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Сб. документальных материалов. Свердловск, 1967. С. 292.
7. Наш край. Хрестоматия по истории Тюменской области (1917–1970). Свердловск, 1973. С. 65; ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 83 об.
8. ГАСПИТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5. Л. 6.
9. Подсчитано по: ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21 Л. 115; Д. 41. Л. 64–71.
10. ГАТО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.–42.
11. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 80 об.
12. Там же. Ф. 180. Оп. 1. Д. 72. Л. 3; Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 14.
13. Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары. Т. 1. Минск; М., 2001. С. 745.
14. ГАТО. Ф. 180. Оп. 1. Д. 72. Л. 22.
15. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 12.
16. Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Сб. документальных материалов. С. 294.
17. Там же.
18. Копылов Д.И., Князев В.Ю., Ретунский В.Ф. Тюмень. Свердловск, 1986. С. 140.
19. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 86.
20. Там же. Л. 83
21. Там же. Д. 26. Л. 2. Аналогичная ситуация складывалась и в прилегающих к Тюмени сельских районах. В докладе Тюменского губернского ВРК (декабрь 1919 г.) отмечалось: «Красная армия, заняв г. Тюмень и районы ее губернии, встретила самый радушный прием со стороны широких кругов населения. Это сочувствие являлось результатом определенного настроения в нашу пользу населения, которое, сравнив две диктатуры-пролетариата и буржуазии, отдало нам свои симпатии. Но мы не всегда умело, не всегда разумно пользуемся благоприятной для нас политической ситуацией. Военские части, проходя по освобожденным от власти белогвардейцев местам, творят свою сепаратную политику, совершенно не схожую с политикой центра, раздражающую крестьянство» (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 157. Л. 1).
22. Так, в постановлении Тюменского губернского ВРК от 3 апреля 1920 г. констатировалось: «За последнее время в городе производятся многочисленные обыски, при которых забираются вещи разного домашнего обихода». ВРК постановил «расследовать это дело и привлечь виновных» (ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17. Л. 66 об.)

23. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 11 об.

24. Известия (Тюмень). 1920. 5 мая.

25. В книге «Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии (1917–1920 гг.). Сб. документальных материалов» (Свердловск, 1967. С. 400) говорится, что Б.З. Шумяцкий (член РСДРП с 1903 г., видный большевистский работник, дипломат, член ВЦИК СССР) стал председателем Тюменского губернского ВРК в ноябре 1919 г., хотя документы, содержащиеся в фонде ВРК (ГАТО. Ф.1.), указывают, что в этой должности он находился, по крайней мере, с 24 октября 1919 года.

26. В первые дни после ухода колчаковцев новые властные и управленческие структуры заняли десятки домов тюменской буржуазии. Так, в доме П.А. Брюханова, на месте которого ныне находится близкое по облику здание Информационно-библиотечного центра ТюмГУ (ул. Семакова, 18), расположился Тюменский центральный совет профсоюзов, в доме Н.Д. Машарова (ныне ул. Ленина, 24) — Отдел труда ВРК, в доме В.Л. Жернакова (ныне ул. Орджоникидзе, 1) — Земельный отдел ВРК, а с 15 сентября — Тюменская ЧК, в доме Ядрышникова (ныне ул. Челюскинцев, 8) — Тюменский совнархоз, в здании женской гимназии (ныне ул. Володарского, 2) — Этапный пункт и т. д.

27. ГАТО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 1, 2.

28. Там же. Д. 56. Л. 42–42 об.

*Эльвира Равильевна ДИНЬМУХАМЕТОВА —
соискатель кафедры отечественной истории
Института истории и политических наук
Тюменского государственного университета
elle-d@mail.ru*

УДК 93(094.71)

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РЕЛИГИОЗНЫХ
КОНФЕССИЙ В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**
**LEGISLATIVE ACTS AS THE SOURCE OF HISTORY OF RELATIONS
BETWEEN THE GOVERNMENT AND RELIGIOUS CONFESSIONS
DURING THE FIRST DECADE OF THE SOVIET STATE**

АННОТАЦИЯ. Анализируются законодательные акты первого десятилетия советской власти, характеризующие государственную политику в отношении религиозных конфессий.

SUMMARY. The article contains the analysis of some legislations of the first decade of the Soviet state, which characterizes public policy as regards to religious denominations.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Законодательные акты, исторический источник, религиозные конфессии.

KEY WORDS. Acts, historical source, religion confessions.

Взаимоотношения государства и верующих в первое десятилетие советской власти носили сложный и противоречивый характер. В условиях Гражданской войны и новой экономической политики большевики, стремясь ослабить политическую оппозицию, были заинтересованы в сотрудничестве с отдельными представителями